

A photograph of a man standing next to a bronze statue of a man in a long coat. The man is wearing a light blue striped shirt, dark trousers, and sunglasses. He is holding a walking stick. The background shows a view of the sea and a cloudy sky. The text "Жорж Дмитриев" is overlaid on the image in a white, cursive font.

*Жорж
Дмитриев*

Юбилейное

Жорж Дмитриев

Юбилейное

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39466248

ISBN 9785449326270

Аннотация

Издание посвящается моим близким, друзьям и коллегам, с кем автору посчастливилось подойти к своему 70-летию с чувством глубокой благодарности за сердечность и внимание к своим творческим начинаниям.

Содержание

Посвящение	6
Познание рая	7
Венецианские голуби	8
Я представил тебя саду	10
День рождения	12
Рецензия	14
Мираж – 3	16
Мираж – 2	17
Мираж – 1	18
Умиротворение	19
Не поле перейти...	20
Деве Партенита	21
Полуостров наслаждений	22
Две Валентины	23
Есенинская грусть	25
Ненаглядная моя	27
Воздух дышит твоей улыбкой	29
Беспокойство моря	31
Чуть надтреснутая беззаботность	32
Разговор с поэтом в Партените	33
Как уехать в... никуда?	35
Он весной особый	37
Предчувствие	39

Чувства и рассудок	41
Скольжение	42
Как избежать соблазна	43
Взыщите Господа	46
Без мыслей о тебе я задыхаюсь	47
Между нами нежность осязаема	49
Custodes libertatis	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Юбилейное

Жорж Дмитриев

© Жорж Дмитриев, 2018

ISBN 978-5-4493-2627-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Посвящение

Самым любимым и дорогим мне людям,
Кто душу мою цветущей любовью выжег,
И суетных дней взметённый карнавал
Пусть растреплет страницы моих книжек...

Слов моих сухие листья ли
Заставят вас остановиться,
Жадно дыша?

Я последней нежностью выстелю
Ваш уходящий шаг.

От В. Маяковского, «ЛИЛИЧКА»

Познание рая

Дрожит рука и голос,
и не найти покоя сердцу,
когда лицо твое так нежно озаряет
улыбка персиковых губ
и щеки тонко покрывает девичий стыд.

Дыханье спазмы прерывают,
волнение стесняет грудь
и силы в бездну отступают,
когда меня ты просишь отвернуться,
чтоб вновь меня затем сразить

безумной красотой нагого тела.
Цветущей лилии подобна ты в сей миг
и упоение для глаз:
найти призывное начало
в немом движении твоём к познанию рая.

Венецианские голуби

Площадь гомоном полна
и оркестр не замечает,
что манера поведения сотен пестрых голубей

не зависит от звучания обертонов верхних скрипки,
ни от значимости взглядов
в тонких щелках карнавальных масок.

Голубь точно понимает щедрость города и гостя,
и пока вода в граните,
птице вольно наблюдать,

как на площади у Марка
ты почувствовать смогла
— как невольница захвата —

чудодейственных крыла,
томной музыки соблазна куртизанкой Короля
и гондолы колыхания в отражении вод канала, и...

Под маской, в ярком бархате горя,
два зрачка хотят увлечь по глади волн Даму Пик
до прекрасного Мурано,

где, сняв маску с Короля,
ты б судьбу свою связала
с гондольером навсегда!

Я представил тебя саду

Вот сорока куст смороды обойдя,
на тебя вдруг засмотрелась,
улыбнулась, отошла, звонко клювом стрекоча.

Ей неведома досада, что печалит сердца ритм
и тревожит утро болью юной девы в платье ситцевом
с оборкой ниже пухленьких грудей.

Вот и шмель, расправив крылья,
устремился к розе белой; одурманен красотой,
он не знал её коварства, напоролся на шипы,

рассердился, развернулся
и помчался напрямки к черной розе
в синей вазе на террасе, у открытого окна.

Там нашел он упоение от красивых лепестков,
для меня – они похожи на кораллы твоих губ.
Я представил тебя саду:

розам с томным ожиданием рук касаний дорогих;
шмелю, что за капельку нектара
забывает опасаться яда ревности его

и сорокам-белобокам, так язвительно глядящим
на мою к тебе мечту. Сад одобрил выбор сердца моего
и в награду нам за это краски свежие обрел.

День рождения

Юбилей пришел неожиданно и нельзя сказать о том, что мне грустно от сознания тяжелой ноши лет и дней. День рождения – это скрытое явление сил пророчества родительской любви. Это новые, еще незаметные, складки морщин возле глаз дорогих.

День рождения – это то ожидание, что свершиться должно в час когда корабли возвращаются в гавань, где их ждут с нетерпением любимых сердца. Это тонкие стенки бокалов с послевкусием терпким прожитого вина.

День рождения – яркая вешка на изгибах моей судьбы. Эта метка повышенной прочности на внимание верных друзей. День рождения – меняет неспешность движения в суетливости дней, словно ветер, срывает листы на пружине прошитых календарей.

Это смех и улыбки на лицах.
Это тосты, мечты и продление увлеченностей юности

за мерцанием лет.

День рождения – фуэте стрелок старых часов
в кружении дел и страстей.

Это сбыточность и несбыточность, полнота с пустотой,
глупость и мудрость, день и ночь,
одинокчество ярких свечей и вспышки надежд
на еще не пройденном пути.

День рождения – это единение душ,
без которых нет света, тепла и добра.

Благодарю всех Вас, в сей день со мною бывших рядом!
Тикайте часики, тикайте...

Рецензия

Кто она, Элли?

Эману Элька

Тонкие бровки. Простое платье.
Золушка с добрым и чистым сердцем.
Кто она, Элли? Откуда знать мне?
Может быть мой персонаж из детства.
Может когда-то читала книжки
И исключительно только сказки.
А приставучим чужим мальчишкам.
Строила рожицы, козни, глазки.
Может плясала в хмельном апреле
Первой по теплым весенним лужам.
Мальчики так на нее смотрели.
Каждый мечтал стать для Элли мужем.
Может умела, шутя, смеяться.
Спорить с ветрами, идти на принцип.
Может сбежала от них в семнадцать
Пусть не с заморским, но все же принцем.
В белой фате и шикарном платье,
Видимо, очень его любила.
Кто она, Элли? Откуда знать мне?
Я и сама обо всем забыла.

Рецензия

Кто она, Элли? Откуда знать мне?
Я и себя едва ли узнаю,
если она подойдет ко мне!

Кто-то мечтал взять её в жены,
а я бы хотел ей свой город отдать,
где по ночам руки свои раскрывают мосты.

Где у Петра проявилось желание —
город построить доселе незнакомый,
но дорогой навсегда для меня!

Я бы отдал его в память о дружбе,
даже вместе с Невой, с чайками вместе,
но вместе с собой...

Мираж – 3

Ты меня, дружок, не бойся,
седина твоя, как ласка,
согревает мой ночлег.

Бодрость Духа, смелость Тела
в испытаниях живут,
их нам молодость даёт.

Годы станут ли помехой,
исповедующим страсти,
неудачник пусть грешит!

Затушу я лампы свет
и, свечами опалимы, пусть сгорают
наши тени от немислимых утех...

Мираж – 2

Не гречанка из Афона,
не модель для Караваджо,
не принцесса из Бурбонов,
но смотрите: как идёт!

Тело движется, как айсберг —
лёд от солнышка блестит.
Нет не холод, а кипение
под туникой вам несёт...

Мираж – 1

Как увидел эту пару,
тотчас я решил купить
«Харлей Дэвидсон» с мотором,
чтоб троих мог прокатить.

Чтоб умчал нас мотоцикл
в райский сад, где камыши и
звучат, сон убажывая,
для троих лишь соловьи...

Умиротворение

Как дивно светится закат
и тишина садится рядом
на раскалённый за день дом,
в котором часто по углам
играют белочки с пушистыми хвостами.

Как мил цветущий яблоненый сад
и роем пчёл он оживлён,
и чувством новым опьянён
широкий дуб за палисадом,
днём одаряя нас прохладой густой тени.

Как дорог мне твой нежный взгляд,
вселяющий надежду на продолжение любви —
она с годами только краше.
Весна уступит место лету,
а осень сердце встрепехнёт летящим к югу клином...

Не поле перейти...

Что сказать тебе в догонку
о не прожитом пути,
как найти мне ту тропинку,
чтоб по ней к тебе дойти,
зацепиться, вдаль пойти.

Подскажи, хотя бы взглядом,
ноту, ту, что потерял,
без которой в нотном стане
нету песни для двоих,
хоть придумай ноту: «Да».

Отыщи во мне слабину,
успокоив сердца ритм.
Верю, что сойдутся скоро
две дороги в один путь,
нам ухабы – не помеха.

Счастье мерится не горем,
мёдом соты наполняя,
пчёлы сладость нам несут,
так хочу с твоей улыбкой
жизнь свою я прошагать!

Деве Партенита

Мрамор холоден, но обжигает
душу, раня печалью глаз.
Белой лилией расцветала
твоя детская красота
но болезнь оборвала,
не раскрыла дыханье цветка.

И когда венками закрыли
холмик в южном пределе сада и
пока не погасли поминальные свечи,
он решил, что на этом вот месте
станет в мраморе горе и счастье
по безмерной её любви...

Полуостров наслаждений

Змейкой вьётся окантовка моего пути —
это значит, что не сбиться и цветами насладиться,
до тебя дойти.

В красоте не надышаться ароматом ярко-жёлтым и
по зелени лужайки так и катится сердечко в тень
косматых ветвей ивы.

Можно вдруг остановиться, оглянуться и забыть,
что здесь парк не нарисован, а такой шикарно чистый от
приливов и отливов наших чувств.

Море рядом, но не слышно шума чаек над волнами и
прохладная вода неохотно принимает разогретые тела —
нетерпения отрада эта майская пора!

Крым. Партенит. Апрель-май 2018.

Две Валентины

В чертах Евпаторийской карты под именем одним
две женские судьбы слиты незримо воедино.
Большой дугой гранитного портала
обласкан город пенною волной шампанских вин
от виноградников Бахчисарая.

Две с половиной тысяч лет
не знало море имя Валентины Терешковой.
Но мир был оглушен в тот час, когда летела «Чайка» над
планетой
и голос космонавта – первой женщины Земли –
с восторгом воспевал красоты, никем невиданные
живущими досель под Солнцем.

Из глубины космических просторов простая русская
девчонка,
не струсив, обошла мужчин в решении задач,
не каждому которые по силам.
Но рядом есть другая Валентина.
Её любимый муж и дочерей отец – Валерий Тененика,
вёл сложные расчеты тех орбит, которые наш шар земной
так точно огибали,

Ни у кого, из побывавших в космосе отважных

астронавтов,
сомнений не было, что корабли посадку точно совершат
в им определенной эфемеридной точке.
Он вел орбиты кораблей по заданным координатам,
а она с любовью доносила людям страницы
летописей тех,
кто превращал космическую трудную работу в приоритет
страны.

И имя Валентина Тененика звучит сегодня в стенах
библиотеки,
как сорок лет назад
и рядом, преображением своим живущая теперь,
гранитная орбита между древним городом и морем,
несущим на изумрудных волнах стаи белых лебедей
и юрких чаек...
Здесь имя «Чайки» несет отныне прекрасная
из набережных черноморских.

Как много в имени одном,
в котором две судьбы
несут нам яркий свет небесный
и земной,
он для меня вседневно негасимый.

Есенинская грусть

Ты не плачь, не плачь, моя царевна,
жемчугами крупными слезя,
Королеве не к лицу печали,
у неё особая судьба.

У неё на сердце властные заботы
о дворце и парке вокруг дворца...
Бал назначен в честь коронавания,
а наряды нет уж сил менять.

Потому и слышен каждый вечер
музыкантов слаженный распев —
капельмейстер как всегда «в ударе»,
нота ж «Ля» смеётся и скользит.

Ты не плачь, не плачь, моя отрада,
он заставит скрипку всё понять,
только сердце, сердце, не обманешь —
с белой розой, розой белой, грусти не унять.

Лишь одну мечту, скрывая, нежу,
что я сердцем чист.
да, и Короля я не зарежу
под осенний блюз.

И меня с веревкою на шее
стражники в подвал не поведут,
чтоб уже не с белою, а чёрной розой
мог я полюбить тоску.

И когда с улыбкой мимоходом
распрямлю я грудь,
языком залижет непогода
прожитой мой путь.

Ненаглядная моя

Эману Эльке

Не завидуй мне, не надо.
Переполнен чувством я
и писать стихи о море может
чайка, лебедь, волны, солнце и вода.

Пляжи все блестят от краски,
зелень буйствует в цвету
и наряды надевают карусели и фонтаны;
сувениры награждают туристическим маршрутом
в заповедные места.

Дорогая, море радует встречая
и не может не печалить, убывающих на север, —
всех, кто бросил в воду моря
серебристую монету, чтоб вернуться к нему вновь.

Пусть прохлада обжигает глубиной лазурных вод,
а прогноз скрывает градус для стремящихся нырнуть,
мне нескромно умолчать:
градус держит хмель массандры и сухое не штормит!

А шампанское вино пенным кружевом бокалов

увлекает розу алую на танго
и смущенная Луна обещает ночь лобзаний
для курортного романа с продолжением через год.

Не завидуй мне, не надо.

Переполнен чувством я и, с тоскою по тебе,
я швыряю в воду «блинчик» от себя и до тебя!!!
Жду тебя у кромки моря, ненаглядная моя!

Воздух дышит твоей улыбкой

Ой, Эльвира, увези ты меня в отдаленный аул,
где не буду я кричать: «Караул!».
Там оазис нам станет, как Рай
и зурна будет петь по утрам о моей запоздалой любви.

Эту песню придумала ты
и слова её так хороши,
что не знают поныне пески, что,
как волны плывут по степи, о моей настоящей любви.

Ой, Эльвира, у моря есть сказка —
это низкий полет над водой
белой стаи больших лебедей
и немыслимой красоты гомон чаек над синей волной.

А в степи разбрелись меж барханов цветы —
ярких маков рубиновые огни.
Я дарю тебе этот свет,
этот крик и размах этих крыльев.

Все пески и всю пену отливов,
какофонию чаек и изгиб величавый длинной шеи вожака
лебедей.
Я дарю тебе море и волны, рыбу всю и все сети;

рыбаков незатейливость речи и вечернюю музыку джаза,

и, конечно, отведать прошу

прохладу самой душевной на свете сирени...

Брось дела, приезжай на море.

Паруса наполняет ветер, воздух дышит твоей улыбкой...

Беспокойство моря

Так найди же меня, найди!
Не гони, а скорей прими!
Приласкай меня, если сможешь
и останься со мною рядом,
согревая сердечным взглядом!

Волны к берегу льнут упрямо
и простора им вроде мало,
если нет твоего причала.
Обними меня крыльями пляжа,
белым лебедем на глади моря.

Я сегодня тобою пропитан,
весь просвечен в лучах улыбки.
Оттого и кричат так громко
за меня беспокоясь чайки, что следы на песке
скоро смоят волны, предвещая нашу разлуку.

Так верни же нам радость встречи,
за которой не будет грусти,
успокой беспокойных чаек —
им без моря прожить не можно,
как и мне без твоей походки...

Чуть надтреснутая беззаботность

Испытал ли ты волнение
от спокойного дыхания
спящей рядом молодой и красивой женщины?
Если нет, то понять ты не можешь,
что такое голод нежности.

Когда губы её ярче влажных лепестков
и ресницы блестят от восторга ночных поцелуев,
когда пальцы её, как оперение крыльев золотого павлина,
предвещают полет новых желаний в страну,
где еще не забыты слова о Любви,

То ты готов выстелить этот путь нежностью,
исходящей из глубины одинокого сердца, и бросать всю
жизнь
под её ноги райские цветы... И полет этих чувств залечит
надтреснутость беззаботную той пропасти,
в которой живет одиночество.

Стань нежным!

Разговор с поэтом в Партените

Пушкин: «Е. К. Воронцова мне подарила перстень
с чистым изумрудом
за мой настойчивый характер и дерзости к её мужу.
А что Ты, Жорж, здесь ищешь неустанно?»

Ответил Я сладкоречивому поэту:
«Мне сырость Северной столицы изрядно надоела
и в ней нет прелести тобой обласканной в поэме
«Медный всадник».

Я здесь хочу воздать твоей свободе
и не зависеть от царя в избрании пути для творческих
исканий.
И где и что мне следует писать и

Как судьбу благодарить за любовь к Тебе
и то мгновение, что названо Тобой когда-то «Чудным»
в Псковском крае
и место, где Ты встретил Анну, теперь аллеей названо.

И где гулял я многократно с мыслью о Любви
и, сидя на скамеечке «Онегина», на Сороть свысока
глядел.
Теперь я здесь.

Твоя рука меня благославляет искать ответ
в твоей безвременной кончине в изменнице, Тобой
безмерно вознесенной.

Суд чести выше, чем порок, скрывающий всю правду!»

Как уехать в... никуда?

Может нам уехать в... никуда и
оттуда вовсе не вернуться.

Там в тиши, у речки, у пруда
будет нам Луна читать стихи:
...коромыслом серп двурогий
плавно по небу скользит...

Там закаты расписные – все из
Падуи и Лувра – в небе вытканы холсты.

Там без слов все понимают,
что любви на свете нет,
лишь покой и Символ Веры тем,
кто знает эту боль.

Там ты руки не ломаешь и
у скрипки нота «Ля»
розу чёрную в бокале
от соседнего стола
не заставит распусться и
от танца уходя,

ты глазами отвечаешь:
«Браво розе и усам,
но ловить меня не надо,
слишком яркая Луна!»

Там над томиком поэта
ты себя не потеряешь,

вздых не будет грудь тревожить и
тоска по шумным балам
тихо-тихо отойдёт.

Там вино не разливают
в тёмном фраке сутенёр и
и кареты бархат красный в
«Англестер» не отвезёт.

Там зелёные просторы
и ячменные поля и
старушки в сарафанах
молят равной благодати
для тебя и для меня,
чтобы ты не уезжала и
меня не вынуждала
отправляться в... никуда.

Он весной особый

Вот и всё: лёд, скользнув по глади волн,
вниз скатился, в Финский и
Нева, расправив плечи,
обновила берега пенным шелестом прибоя.

Чайка, с облаком играя,
глаз острит – мелку корюшку считая,
голубь водит хоровод вокруг своей подружки
и, наверное, он ждёт отступной за крошки.

Окна просятся отмыть пыльной патоки покровы,
почки, сбросив кожуру, лист готовят яркий,
пусть он маленький ещё, но такой приятный.
Улиц снежные холмы разом растворились.

А задиристый мороз не спешит с обменом
тёплой шубы на пальто для любых сезонов.
Боты скинуты уже – туфельки в почёте и
причёски у девчат мутят головы ребят —

Это признаки весны, в Питере – особой!
Летний Сад раскроет склепы
с копий мраморных скульптур и
кораблик на Неве в полдень залп услышит...

Приезжайте в город наш, он весной особый!

Предчувствие

Нас вежливо предупредили,
что новый терминал аэропорта
откроет первый раз приём и что
весна нас встретит радостно у входа,
и друг такси к назначенному часу подаёт.
Случится встреча в поздний час и
солнце уже будет крепко спать, и
птицы гомоном своим
в кустах жасмина не тревожат,
но цвет, да – цвет,
дыхание ароматом нежным наполняет и
зимний холод нас неохотно в лето отпускает.

«Волна» стекла изгибом самолёты принимает и
чудом внутренних убранств
с комфортом недоступным всех вбирает и
пассажиру некуда спешить – всё рядом,
чинно, благородно и лишь табло
размеренно и строго напоминает нам о том,
что отдых начался,
что Крым перезагрузку совершил
на радость вольному народу и
солнце, горы и вода нам восстановят силы,
а вин изысканных сорта украсят стол и

дружескую встречу.

Утомлённое солнце
к морю всех приглашает,
а нарцисс утверждает,
что цветы у войлочной вишни и
не белые вовсе, и не бело-оранжевые,
как у него...

Споры эти не слыша,
мы волну принимаем и
отливом уходит от сердец суета.

Цвет у персика алый,
да и дело не в этом.

Важно, что есть предчувствие в обновлении жизни!

Чувства и рассудок

*Мы жили вдалеке от здешних фраз,
От местных слов с неровными краями.
Мы шли от книг, написанных не нами,
К писаниям, начертанным про нас.*

Владимир Панкрац

Так чувства созревая где-то вне,
не обжигают вздохом огорчений.
Они, являясь, незрелыми, внезапно,
тебя стрелой без яда поражают.

Плод горький послекусие хранит
для тех, кто ритуал приличий забывает.
Взаимость требует согласий и ожидания
сбываются тогда, когда у чувства есть рассудок.

Скольжение

Скольжение льда по зеркалу Невы
в тот час, когда луч солнца
стелется по глади вод
в безветрии и утренней прохладе,
напомнило известную картину:

Так гребень перламутром пресыщенный,
ныряет в глубину твоих расчёсанных волос,
скользя по гребню локонов, чей отсвет,
бликами играя, подобен жемчугу воды
в струях и шуме водопада.

И руки-крылья плавно так парят
по свету тонких жил, – то падают,
то вверх стремятся и нежность
растворяется в глазах,
так искренно, безумно мной любимых.

У ледохода на реке есть маленькая цель —
помочь реке раздеться и сбросить с берегов
удушливую тяжесть снежного покрова и водам дать
свободу к морю устремиться... Так по весне
нам хочется бежать по гребню волн у моря.

Как избежать соблазна

Она со мною холодна
и пена скрученных волос,
и нагота плечей,
и взгляд с вопросом:
Почему я медлю с поцелуем? —
всё это на приёме у врача,
чтоб обуздать пилюлей
её соблазна мною овладеть...
/легко судить по прилагаемому фото/

Так Джиллиана приглашала Гранта
к утехам, как казалось ей, разумным.
Она по книгам узнавала,
как нужно разжигать костёр,
в который добровольно
прыгают мужчины:
«Развяжи мне, пожалуйста, завязки на юбке»,
мягко прошептала она...

Раздеваясь медленно,
она мне чары предъявляла,
смущениям не дав нарушить
волшебство, возникнувшее между нами.
И ни единого взгляда сожаления

не промелькнуло в её прекрасных голубых глазах...
И вот рубашка на полу... Она обнажена!
Неповторимо важно тикают секунды...

Нет прикрывающей тело тоги
и ты, богиня красоты,
не прячешься за ухищрения,
ни за покровы, ни за ложной скромностью...
Лишь солнечный свет оmyвает твоё тело,
легко касаясь плеч и
идеальной формы рук.

А потом ты качнулась вперед,
используя свое тело как кисть,
рисую картину своей наготы
на моей коже,
давая мне почувствовать
мягкость своих бёдер
и влажность у их основания...

Грант смаковал легкое,
нежное прикосновение сосков
к его груди
и легонько подталкивал к ней
свой возбужденный член,
нацеленный в неё словно стрела.

Навеянное чтением

Карен Рэнни

«Как избежать соблазна»

Взыщите Господа

Ищите и обряцете!
Простите и прощёнными будете!
Отдайте последнее и обогатитесь!
Падших поднимите, дав свет себе!
Любите, возлюбив себя!
Красота не в тебе, а внутри твоего сердца!
Возжелав – вырви жало, ибо яд этот смертелен!
Жажду утоляет доброе слово и воля. Иди!
Рана приносит радость тому, кто жив!
Любят прямых!
Увядание – признак слабости. В чём твоя сила?
Взяв в жены, отринь соблазны!
Нежность в журчании, а не в водопаде!
Не стыдно быть бедным, стыдно быть покорным!
Перспектива начинается с точки твоего стояния!

Без мыслей о тебе я задыхаюсь

*Без мыслей о тебе я задыхаюсь.
Спасаясь, возвращаюсь к ним опять.
Ты мучаешь меня и лечишь душу,
Ты песня счастья и надрывный стон.*

*И мне с тобой, придуманным, непросто.
Ты звездный дождь или ночная тьма?
Пожалуйста, прости меня за смелость,
Но если сможешь, приходи во сне...*

Ольга Эске

Моя свобода или же тюрьма?
Пророчишь ты и больше не целуешь —
твои уста сомкнёт ли немота?
У губ твоих есть яд – Слова.

У Слов твоих есть власть и сила,
они способны мной повелевать и
опьяняя, волю забирать. Манить и
призывать, карать и отпускать.

Так мать, рукой безжизненной,
разглаживая щёки ледяные,
над гробом сына не находит Слов,
чтобы излить к нему свою любовь.

Так и меня ты мучаешь и лечишь душу,
Ты радость счастья и надрывный стон.
Я б лучше песни пел над колыбелью,
чем знать, что ты приходишь лишь во сне!

Между нами нежность осязаема

Между нами нежность осязаема.

Пылкость слов осажена «на Вы».

Тема о любви неприкасаема:

Правила реалий таковы.

Ольга Эске

Как цунами подошла неожиданно,
закрутила сразу и всерьёз,
валом чувств всё мигом захлестнула,
унесла, как щепку много лет.

Так зачем мне надо было
столько их терять по пустякам,
если рядом вдруг ты появилась и
разбило сердце пополам?

Осень жизни без тебя встречая,
мог ли я подумать, что весной,
с первым ледоходом на Неве,
образ милый станет осязаем, —

так свеча, сгорая в темноте,
пряный ладон источает и
аккорд прощальный рвёт струну,
закрывая тему о любви!

Custodes libertatis

ПРО ГОЛОГО КОРОЛЯ

Как полезно бывает порой

Королю в отраженье взглядеться

И понять, что пустой мишурой

Ублажает тщеславное сердце.

И короны, придуманной им,

На пустой голове не бывало.

Лишь зеркал с отраженьем прямым

В королевстве давно уж не стало.

А. П. Новопашин

Стекло из стеклодувни, что в Мурано,
в Палаццо Дожей ценилось дороже злата за
пустячок немалый: способность отражать
какие в городе доходы и много ли купцы
в Венецию доставили сибирской пихты,
потребной для строительства великолепных
дворцов Медичи, Барберини, Пити и Ручелла.

И инквизиция вершила скорый суд
за недоимки в дереве и камне,
сочтя за безусловность исполнения заказа.
Лагуна часто принимала тела утопленных воров и
отражение зеркала гримасы строила по ним.
А стеклодувы понимали, значение для города зеркал:

их отражения не принимали тщеславных помыслов
глупцов.

Оттого и поныне украшает Палаццо Дожей надпись:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.